

ВЛИЯНИЕ СМЕРТИ И.В. СТАЛИНА НА ВЫРАБОТКУ АДМИНИСТРАЦИЕЙ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СССР И СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (МАРТ–СЕНТЯБРЬ 1953 г.)

Анализируется процесс разработки и принятия внешнеполитической концепции США и роль советского и восточноевропейского факторов в этой стратегии. Рассматриваются те концептуальные положения, которые разработала администрация Д. Эйзенхауэра, чтобы придать своей внешней политике наступательный характер и практические шаги, предпринятые в этом направлении в отношении Советского Союза и стран Восточной Европы в новой ситуации, возникшей после смерти Сталина и смены руководства в СССР.

Ключевые слова: внешняя политика США; СССР.

«Я встречу с кем угодно и где угодно, если это даст небольшой шанс сделать добро в том понимании, которое американский народ ждет от главы исполнительной власти» [1. С. 143]. Такой ответ дал Д. Эйзенхауэр на пресс-конференции 25 февраля 1953 г. на вопрос, готов ли он поехать и встретиться с Генералиссимусом Сталиным. Вряд ли Президент США тогда думал, что не пройдет и двух недель, а вопрос о возможности встречи на высшем уровне между руководителями США и СССР будет всерьез обсуждаться его администрацией.

Отношения с СССР, естественно, были одним из главных внешнеполитических приоритетов администрации Д. Эйзенхауэра с первых дней нахождения её у власти. Однако новоизбранный президент не ждал в ближайшем будущем существенных изменений в поведении советского руководства и намеревался строить свою политику в отношении СССР исходя из этого положения [2. С. 46–47]. Главной его задачей, несомненно, было прекращение войны в Корее. Уже в декабре 1952 г., т.е. будучи избранным президентом, но, еще не вступив в должность, Д. Эйзенхауэр совершил поездку в Корею с основными членами своей будущей команды. Именно на пути в Корею на лайнере «Елена» («Helen») впервые произошло обсуждение всей внешнеполитической стратегии США при новой администрации. При обсуждении четко обозначилась линия президента на сбалансированность расходов и доходов бюджета страны, что сыграет решающую роль в период разработки новой оборонной стратегии и, соответственно, всей внешнеполитической политики США [3. С. 25].

Республиканцы в период предвыборной кампании резко критиковали администрацию Г. Трумэна за серьезные промахи в области внешней политики. Главной мишенью во внешнеполитическом разделе программы республиканцы выбрали отношения с коммунистическим блоком. В предвыборной платформе политика «сдерживания коммунизма», проводимая администрацией демократов, трактовалась как пораженческая, приведшая к «потере Китая и Восточной Европы» [3. С. 23]. Республиканцы призывали к проведению наступательной, «освободительной» политики. В августе 1952 г. Дж.Ф. Даллес, главный стратег республиканцев в области внешней политики, даже призвал страны Восточной Европы к восстанию против советского правления [4. С. 30]. И хотя Эйзенхауэр был во многом не согласен с лидерами республиканцев, он должен был учитывать эти настроения [3. С. 23].

После вступления в должность Д. Эйзенхауэр инициирует интенсивные консультации, направленные на

выработку внешнеполитической концепции США и реальных шагов по её воплощению. Учитывая позицию влиятельных лидеров республиканцев в Конгрессе и сильную критику демократической администрации в период предвыборной кампании, Д. Эйзенхауэр был поставлен в определенные рамки. С одной стороны, его действия на внешней арене должны были отличаться от политики «сдерживания коммунизма», проводимой предыдущей администрацией, и быть более наступательными в отношении коммунистического блока. Это требовало совершенно новых подходов к политике, проводимой в отношении СССР и его союзников, и определённой корректировки отношений с союзниками США, в первую очередь в Европе. С другой стороны, новая администрация должна была закончить «на приемлемых» условиях для США войну в Корее, т.е. договориваться с коммунистическим Китаем и СССР, и, во-вторых, американская внешняя политика должна стать менее затратной и не ложиться тяжелым бременем на американскую экономику и плечи налогоплательщиков. Во многом из-за несогласия с чрезмерным увеличением бюджетного дефицита и расходов в период корейской войны Д. Эйзенхауэр не согласился стать кандидатом в президенты от демократической партии [3. С. 20–21].

Начало обсуждения основных положений новой внешнеполитической доктрины началось еще в период предвыборной кампании. Основные положения своего взгляда на будущую концепцию Дж. Даллес изложил в конце марта в двухстраничном меморандуме Д. Эйзенхауэру, а затем в статье в журнале «Лайф» («Life») в мае 1952 г. [1. С. 23]. В этой получившей широкую известность статье будущий госсекретарь, критикуя политику сдерживания коммунизма, считал, что она требует от США огромных расходов по содержанию наземных вооруженных сил и может привести к банкротству американскую экономику. Поэтому новая администрация должна сделать упор на развитии ядерного оружия и средств его доставки, что резко снизит нагрузку на американскую экономику. Ядерное оружие, по мысли автора статьи, должно быть применено в ответ на атаку СССР обычными вооружениями США или их союзников [5. С. 149]. Д. Эйзенхауэр в целом, отмечая созвучность мыслей автора со своими собственными суждениями о национальной безопасности, в ответе на меморандум Даллеса определил самую серьезную проблему, с которой придется столкнуться при проведении подобной политики. Эйзенхауэр писал: «Что мы будем делать, если Советы захватят власть в

одной из стран “свободного мира”, используя политические методы, как в Чехословакии?» [5. С. 22].

Испытание ядерного оружия в СССР и окончание американской монополии на его обладание поставили перед республиканцами вопрос о возможности ядерной войны между СССР и США. Ни Д. Эйзенхауэр, ни Дж. Даллес не считали ядерную войну возможной. Эйзенхауэр говорил о ней как войне, где не будет победителей [2. С. 48–49, 62]. Отсюда поиски стратегии, которая позволит ослабить страны Восточного блока без риска атомной войны. Дж. Даллес еще в 1948 г. в период предвыборной кампании республиканца Томаса Дьюи сказал последнему: «Новый подход к внешней политике необходим. Стратеги должны учитывать сильные стороны Москвы и эксплуатировать её слабости. Наполеон говорил, что “победа в войне состоит из одной четверти материального и трех четвертей нематериального”. Я думаю, в “холодной войне” это соотношение ещё больше» [2. С. 65].

Доктрина «сдерживания коммунизма», по мнению Даллеса, представляла собой как раз материальную часть военных усилий и помогала Кремлю обвинять американцев в развязывании войны, усиливало национально-освободительное движение в колониальных странах. Кроме того, статичность ослабляла позиции США в мире, а задача Соединенных Штатов состояла, по Даллесу, как раз в том, чтобы, опираясь на свой динамизм, распространять идеалы справедливости и главенства права в мире. Отсюда идея об «освобождении» как динамичной политике, которая проводилась бы в жизнь путем пропаганды, оперирующей к ценностям свободы [2. С. 67].

Для практического решения стоящих перед ним задач в январе 1953 г. Д. Эйзенхауэр создает два комитета под руководством бывшего бостонского банкира Роберта Кетлера и бывшего заместителя директора ЦРУ при Трумэне Уильяма Джексона. В январе 1953 г. президент создает пост специального помощника президента по политике в условиях холодной войны. На этот пост был назначен Глава национального комитета за свободную Европу С.Д. Джексон. В задачу комитета Р. Кетлера входил анализ политики национальной безопасности предыдущего президента и предложения по улучшению работы Совета национальной безопасности. Второй комитет, получивший название «Специального комитета по информационной политике», должен был проанализировать эффективность информационно-психологической деятельности США после Второй мировой войны и представить свои рекомендации по её резкой активизации [6. С. 123].

Результатом работы комитета Р. Кетлера явилась реорганизация Совета национальной безопасности (СНБ), который стал форумом, где обсуждались и принимались основные решения в период работы администрации Д. Эйзенхауэра. Кроме этого, реформированный СНБ под руководством Р. Кетлера, назначенного специальным помощником президента по национальной безопасности, провел ревизию стратегии национальной безопасности предыдущей администрации. В первую очередь ревизии подверглись СНБ-68 как основная стратегия США после начала войны в Корее и законченный в январе 1953 г. СНБ-141, который посту-

лировал дальнейшее наращивание военных расходов в 1954 г. Этот год, по расчетам Трумэновской администрации, должен стать годом наибольших угроз безопасности США [2. С. 98]. Основная дилемма, стоявшая перед разработчиками новой стратегии, была сформулирована еще на «Елене» и повторена президентом на совещании с ближайшими советниками 1 февраля 1953 г.: «Необходимо найти приемлемую и допустимую линию в нашей оборонной политике. Нужно определить такие оборонные программы, которые сделают нас готовыми к агрессии, а с другой стороны, не обанкротят нацию» [2. С. 98]. В итоге появились документы, которые заложили основы для формирования внешней политики США в период первой администрации Д. Эйзенхауэра и новой военной стратегии, получившей название «Новый взгляд»: СНБ-149/2, СНБ-153/1. СНБ-149/2 уделял основное внимание мерам по уменьшению давления военных расходов на экономику страны, а СНБ-151/1 определял основные угрозы национальной безопасности, однако четко постулировал необходимость избежания провоцирования полномасштабной войны с СССР [3. С. 26, 28].

Комитет У. Джексона представил доклад президенту 30 июня 1953 г., в котором пришел к выводу, что существует значительный разрыв между формулированием общей политики США и ее реальным воплощением. Этот разрыв можно минимизировать, создав внутри СНБ специальный орган по координации деятельности, в задачу которого входил бы контроль за реализацией его решений. Информационная же политика неотделима от собственно внешней политики США и, соответственно, решения по данной проблеме должны приниматься на уровне СНБ. В результате 2 сентября был образован Совет по координации деятельности в составе СНБ [6. С. 94–95].

В самый разгар работы по формированию основ внешнеполитического курса новой американской администрации из Москвы пришло сообщение о серьезной болезни, а затем и смерти И.В. Сталина [7. С. 1083–1085, 1095]. Как только известие о болезни достигло Вашингтона, 4 марта 1953 г. было созвано совещание Совета национальной безопасности (СНБ-135), на котором обсуждались действия США после ухода Сталина с политической сцены. На этом заседании выявились серьезные разногласия среди членов администрации. С.Д. Джексон считал, что настал тот самый момент, когда Соединенные Штаты должны перейти в широкое идеологическое наступление и перехватить инициативу из рук коммунистов [7. С. 1091–1095]. Он вызвал в Вашингтон Уолтора Ростоу, в то время работавшего в Центре международных исследований Массачусетского технологического института и руководившего проектом «Исследования уязвимых мест СССР».

С помощью У. Ростоу С. Джексон подготовил специальный доклад Д-40, в котором анализировались последствия влияния смерти Сталина на советскую внешнюю политику и предлагались конкретные шаги американской администрации по эксплуатации этого события в своих интересах. Основу этого документа составили рекомендации конференции, проведенной в Принстонском университете в мае 1952 г., на которой

рассматривались вопросы идеологического и информационного противостояния СССР и США и формы активизации американской пропаганды за рубежом [7. С. 1173–1183]. У. Ростоу предложил резко активизировать идеологическое наступление против стран Восточного блока с целью посеять сомнения относительно лояльности ключевых фигур в советском руководстве друг другу и изоляции их на международной арене. Авторы плана предлагали добиться этих целей путем эксплуатации националистических чувств в высшем руководстве СССР и стран-сателлитов и противостоянии партии и армии. Основопологающим пунктом плана Джексона–Ростоу было предложение о четырехсторонней (США, СССР, Великобритания и Франция) встрече министров иностранных дел для урегулирования наиболее спорных проблем: корейского вопроса, проблем объединения Германии и Австрии, переговоров по сокращению и контролю над вооружениями. Причем это предложение президент США должен был озвучить в прямом обращении к советскому руководству и народу, на которое, по мысли авторов, обратят внимание не только в СССР, но и во всем мире. Такое обращение будет восприниматься как реальное, а не только пропагандистское, движение США к снятию напряженности в мире и привлечет симпатии мировой общественности [6. С. 128–129].

Неожиданную поддержку своему плану С.Д. Джексон получил от премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Лидер Великобритании в письме к президенту Д. Эйзенхауэру от 11 марта 1953 г. призывал американского президента перевернуть страницу в истории и попытаться уменьшить напряженность между двумя блоками, встретившись с новым советским руководством [7. С. 128–129].

В Госдепартаменте вообладала более осторожная позиция. Отдел политического планирования Госдепартамента США в лице своего главы Пола Нитце и советник Госдепартамента, один из влиятельных специалистов по СССР Чарльз Болен, который ждал своего утверждения на пост посла США в СССР конгрессом, подготовили к обсуждению этого вопроса на СНБ два документа. В них говорилось, что со смертью Сталина суть советской системы не изменится. Любое давление в кризисный период на новое руководство приведет только к его сплочению перед лицом внешней опасности и не принесет США никаких выгод. Поэтому в данных обстоятельствах ответ США должен быть выдержан в спокойных и нейтральных тонах. С течением времени борьба в советском руководстве и рост националистических чувств в странах Восточной Европы и Китае обострятся, и Соединенные Штаты должны быть готовы использовать такую ситуацию. Эту позицию поддержал и влиятельный заместитель госсекретаря Б. Смит [7. С. 1107–1111].

Дж. Даллес был очень заинтересован возможностями, открывающимися перед США в новой ситуации. 9 марта 1953 г. он даже заявил, что «эра Сталина заканчивается, начинается эра Эйзенхауэра» [8. С. 461]. Поэтому он, с одной стороны, высказал С.Д. Джексону свою заинтересованность в его предложениях, но, с другой стороны, понимал и обоснованные опасения своих специалистов в Госдепартаменте [6. С. 130].

Кроме этого, на позицию госсекретаря влияли и еще несколько обстоятельств, которые, в конце концов, склонили его мнение против предложения о встречи с советскими лидерами. В январе и феврале 1953 г. лидеры республиканцев в конгрессе предложили резолюцию, осуждающую «ялтинские соглашения» и призывающую к более решительным действиям по освобождению стран Восточной Европы. Обстановка вокруг резолюции была так накалена, что грозила перерасти в конфликт между республиканскими лидерами конгресса и новоизбранным президентом, который не хотел связывать себе руки слишком жестким документом [9. С. 276–277]. В такой ситуации предложение о новой встрече с русскими давала республиканской «старой гвардии» дополнительные рычаги для давления. Следующим фактором, связывающим Дж. Даллесу руки, были обвинения сенатора Дж. Маккарти в засилье коммунистов в Госдепартаменте и проблемы с утверждением Ч. Болена послом США в СССР. Даллес понимал, что Ч. Болен превратился для сотрудников Госдепартамента в некий символ; для того чтобы он мог рассчитывать на лояльность и поддержку своих сотрудников, ему необходимо отстоять кандидатуру Ч. Болена в качестве посла США в СССР. В этой ситуации Дж. Даллес также предпочел основные усилия бросить на продавливание кандидатуры нового посла (госсекретарь прибег даже к такому сильному рычагу, как обращение к президенту) и не дразнить республиканцев возможностью новой встречи с русскими [10. С. 323].

Сам Д. Эйзенхауэр не считал, что смерть Сталина имеет такое важное значение, какое ему придают его советники, и был очень скептически настроен относительно необходимости встречи с советскими лидерами и ее возможных результатов [6. С. 131]. Однако несмотря на свой скептицизм, президент весьма серьезно отнесся к тем изменениям, которые произошли в СССР. На 136-м заседании СНБ, созванном специально для рассмотрения действий США после смерти Сталина 11 марта 1953 г., Д. Эйзенхауэр согласился с доводами Госдепартамента о преждевременности каких-либо встреч с новыми советскими лидерами, до тех пор пока не прояснится ситуация внутри советского руководства. С другой стороны, президент поддерживал С.Д. Джексона в том, что нужно резко усилить пропагандистскую составляющую американской политики и «выжать» максимум пользы из сложившейся ситуации [7. С. 1117].

Какую же политику выбрало американское руководство? После серьезных дебатов администрация Д. Эйзенхауэра пришла к выводу, что смерть многолетнего лидера СССР должна изменить устоявшееся в Соединенных Штатах представление о линии поведения советского руководства и внести в неё серьезные изменения. Для США это означает, что задача всех органов, связанных с анализом ситуации в советском блоке и реализацией политики США на этом направлении, должна кардинально измениться. Во многом из-за отсутствия приемлемого плана действий администрации США после смерти Сталина Д. Эйзенхауэр принял рекомендации комитетов У. Джексона и Р. Кетлера по реорганизации работы СНБ и назначил последнего своим помощником по национальной безопасности [2. С. 95].

Следующий вывод администрации напрямую был связан с идущей работой по разработке американской внешнеполитической и военной стратегией. Во время обсуждения возможных ответов американской администрации на смерть Сталина сразу же встал вопрос о том, какую цель должны преследовать США своими действиями в отношении СССР и стран восточного блока. Предлагались действия, не отвечавшие поставленной цели, которой США хотят добиться в краткосрочной перспективе. В то же время эти действия объективно должны были вызвать ответную реакцию советского руководства. Именно опираясь на анализ возможной реакции руководства Советского Союза, Госдепартамент давал рекомендации выжидательного и осторожного поведения. По мнению экспертов Госдепартамента, жесткая риторика и агрессивное поведение США приведут к сплочению нового советского руководства перед лицом внешней угрозы и задержит, а может быть, и вовсе остановит процесс внутренней борьбы и, вследствие этого, ослабления самого советского режима и его контроля над странами Восточной Европы [6. С. 127]. Поэтому вопрос о цели американской политики в отношении СССР стал во главу угла практически сразу, как началось обсуждение вопроса о возможном ответе США. О долгосрочной цели американской политики спора не было. Все понимали, если конечной целью является победа в «холодной войне», то краткосрочные цели нужно было определять в ближайшее время и вокруг них выстраивать ежедневную деятельность американской администрации.

В свете критики политики «сдерживания» предыдущей администрации новая политика должна быть более агрессивной. Из этого положения и исходил, представляя свой план, С.Д. Джексон. Главной целью американского ответа являлась, по мысли С.Д. Джексона, «впервые появившаяся возможность перехватить инициативу из рук коммунистов». Таким образом, необходимо сделать широкий шаг к снижению напряженности между противоборствующими блоками в наиболее спорных точках земного шара. Первым шагом в этом направлении должна быть речь президента Д. Эйзенхауэра, обращенная к советским лидерам и советскому народу, в которой американский лидер призовет советское руководство к мирному диалогу, снижению напряженности в мире. Предложение о созыве конференции министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР переведет поставленные в речи президента вопросы из пропагандистской плоскости в реальную [7. С. 1117–1118]. Однако возражение государственного секретаря и явная неопределенность самого президента относительно целей, которые предполагалось достигнуть этой речью, привели к тому, что выступление Д. Эйзенхауэра было посвящено вопросам, далеким от реальных предложений по решению спорных вопросов с Советским Союзом [7. С. 1119–1125].

Отсутствие конкретных целей американской политики в отношении советского блока было так очевидно, что весной 1953 г. Дж. Даллес пригласил к себе домой своего заместителя Б. Смита, Р. Кетлера, С.Д. Джексона и, обрисовав им создавшуюся ситуацию, предложил поставить перед президентом вопрос о проработке це-

лей и задал американской администрации. Дж. Даллес охарактеризовал три возможных направления развития работы. Первый сценарий – это продолжение политики «сдерживания» СССР. Второй – определение определенного круга стран, которые ни при каких обстоятельствах не должны попасть под влияние коммунистов, проведение определенной черты, переступив которую СССР должен понимать, что Соединенные Штаты начнут полномасштабную войну. И, наконец, третий сценарий – политика «отбрасывания коммунизма», «освобождения» в первую очередь стран Восточной Европы [3. С. 29–31]. Такая постановка вопроса была созвучна раздумьям президента. Поэтому, получив информацию о встрече в доме Дж. Даллеса, Д. Эйзенхауэр 8 мая 1953 г. собрал своих ближайших сотрудников в солиариуме Белого дома. На этой встрече было решено создать специальную группу для детальной проработки озвученных госсекретарем целей американской политики в отношении советского блока [2. С. 124]. По месту принятия решения данный проект получил название «Соляриум».

И, наконец, третий вывод касался конкретной реакции администрации на смерть Сталина. Кроме дежурных соболезнований, которые были высказаны в послании президента и ноте госсекретаря, ничего конкретного сделано не было [7. С. 1085, 1095]. Особенно неприемлемым молчание стало после получившей широкий резонанс речи нового советского лидера Г. Маленкова от 15 марта 1953 г., в которой он четко обозначил стремление СССР решать спорные вопросы за столом переговоров, заявив, что между двумя странами «не существует такого вопроса, который нельзя было бы решить мирными средствами на основе взаимопонимания» [9. С. 290].

После того, как Эйзенхауэр отказался от использования идеи С.Д. Джексона о начале переговоров с новым советским руководством на самом высоком уровне, необходима была новая идея, которая могла бы быть не только ответом на речь Г. Маленкова, но и перетянуть внимание мировой общественности, вырвать инициативу из рук СССР. Такую идею подсказал президенту Бернар Барух. 7 марта 1953 г. Б. Барух пересылает Д. Эйзенхауэру план Самуэля Лабеля, журналиста польского происхождения, который предлагал использовать ситуацию смерти Сталина и предложить от имени Соединенных Штатов широкомасштабный проект, который, по мысли автора, должен устроить как США, так и СССР.

Суть плана, названного автором «масло вместо пушек», состоял в достижении договоренности между сверхдержавами пропорционально уменьшить собственные военные бюджеты, а высвободившие деньги направить на улучшение жизни населения своих стран [11]. Сама идея была созвучна тем установкам, которые уже легли в основу разрабатываемых эйзенхауэровской администрацией концепций внешней политики США и новой военной стратегии. Уже на 136-м заседании СНБ 11 марта 1953 г. Д. Эйзенхауэр, после довольно длительной дискуссии между госсекретарем и С.Д. Джексоном, говорит о «необходимости предпринять какие-либо драматические шаги, чтобы дать людям на земле надежду на лучшее будущее». И обращает внимание членов Совета национальной безопасности на идею

повышения уровня жизни людей за счет сокращения расходов на оборону [7. С. 1122–1123]. Естественно, для того чтобы этот призыв не остался на бумаге, нужны переговоры. Поэтому необходимо было «оставить дверь открытой». Дж. Даллес предложил выставить определенные условия для начала широкомасштабных переговоров, выполнение которых покажет, что намерения советского руководства искренние, оно не тянет время, чтобы нарастить свои вооруженные силы.

В первую очередь госсекретарь предложил поставить вопрос о прекращении враждебности в Корее и Индокитае [7. С. 1121]. 16 апреля 1953 г. Д. Эйзенхауэр на заседании Американского общества редакторов газет произнес речь «Шанс для мира», которая оценивается как одно из лучших его выступлений за все время президентства и ответ американской администрации на смерть Сталина и первые шаги нового советского руководства на международной арене [9. С. 291; 12. С. 147]. В своей речи Д. Эйзенхауэр образно описывал угрозу, которую несет для мира гонка вооружений и сколько она обходится человечеству. Те образы, которые были применены для этого описания, стали впоследствии хрестоматийными. Президент США предлагал СССР остановить эту гонку, передав контроль над ядерным оружием в руки ООН, создать действенную систему контроля над разоружением, включая проверки на местах. Для того чтобы начать переговоры о сокращении вооружений, Д. Эйзенхауэр предложил создать дух доверия между переговаривающимися сторонами, решив большинство спорных вопросов: достижения перемирия в Корее, подписание мирного договора с Австрией, объединение Германии, проведение свободных выборов в странах Восточной Европы. Решение этих вопросов будет своего рода выражением реальных намерений нового советского руководства работать ради лучшей жизни людей [7. С. 1147–1154]. Речь получила широкий отклик в мире, а две недели спустя её впервые полностью без купюр перепечатали в «Правде», ведущей газете СССР, предва- рив редакционной статьёй.

Были ли намерения, высказанные в речи Д. Эйзенхауэра, искренними и, главное, достижимыми? По мнению автора статьи, эта речь является компромиссом между желаемым и возможным. Совершенно очевидно, что предложение о проведении «свободных» выборов в странах Восточной Европы и к вопросу об

объединении Германии были для Советского Союза неприемлемыми. Однако не включить эти предложения в свою речь президент не мог. После обвинений демократов в мягкой политике в отношении политики СССР в Восточной Европе в период предвыборной кампании и сильным влиянием «старой республиканской гвардии» внутри партии, Д. Эйзенхауэр должен был произнести речь. Главной его заботой было стремление создать сбалансированный бюджет, который даст стимулы американской экономике для развития, что, по его мнению, отразится на уровне благосостояния американцев [13. С. 281–282]. Для этого, кроме всего прочего, Д. Эйзенхауэр начал пересмотр внешнеполитической и военной стратегии США, предлагая сделать их менее затратными и более эффективными. Предложения как раз решали эту задачу, призывая к уменьшению гонки вооружений и решению конфликтов мирными средствами. Причем в числе предварительных условий для ведения переговоров назывались как раз те конфликты, которые можно было решить без ущерба репутации друг друга и которые вытягивали огромное количество денег из карманов американских налогоплательщиков, унося при этом американские жизни [14. С. 347–349].

Отказ от прямых переговоров, который, может быть, выглядел нелогичным в свете предлагавшихся инициатив, вписывался в ту линию поведения, которую выстраивал Д. Эйзенхауэр. Любое действие должно быть результативным или, по крайней мере, не должно навредить. Переговоры, которые предлагал С.Д. Джексон, по мнению президента, в данный момент могли только навредить США, т.к. они не были согласованы с союзниками и не были выработаны четкие цели для переговоров [7. С. 1120]. К примеру, начало переговоров и постановка вопроса об объединении Германии, по мнению Дж. Даллеса, обязательно приведут к срыву ратификации договора Европейского Оборонного Сообщества [7. С. 1119]. Совершенно не прояснилась ситуация в самом СССР, где борьба за власть, по мнению и экспертов и разведывательного сообщества, еще не закончилась [7. С. 1160]. Поэтому, высказав в речи «Шанс для мира» свои намерения, Д. Эйзенхауэр дал возможность определиться с основными целями и соответствующим им образом действий своей администрации и провести переговоры со своими основными союзниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eisenhower Dwight D.* The White House Years Mandate for Change, 1953–1956. N.Y.: Doubleday, 1963. 650 p.
2. *Bowie Robert R., Immerman Richard H.* Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy. Oxford University Press, 1998. 326 p.
3. *Bose Meena.* Shaping and Signaling Presidential Policy: The National Security Decision Making of Eisenhower and Kennedy. College Station, TX: Texas A&M University Press, 1998. 200 p.
4. *Divine Robert A.* Foreign Policy and U.S. Presidential Elections, 1952–1960. New Viewpoints, 1974.
5. *Gaddis J.L.* Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y.: Oxf. Univ. Press, 1982. 432 p.
6. *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin. America's Strategy to Subvert the Soviet Block, 1947–1956. L.: Cornell University Press, 2000. 246 p.
7. *Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Vol. VIII, pt. 2.* Soviet Union. Wash.: Gov. Print. Off, 1988.
8. *Уильямс Ч.* Аденауэр. Отец новой Германии: Пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 472 с.
9. *Амброуз С.* Эйзенхауэр. Солдат и президент: Пер. с англ. М.: Книга Лтд., 1993. 560 с.
10. *Bohlen Ch.E.* Witness to History, 1929–1969. N.Y.: W.W. Norton, 1973. 562 p.
11. *The Papers of Dwight David Eisenhower.* World Wide Web facsimile by The Dwight D. Eisenhower Memorial Commission of the print edition; Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996.
12. *Whitcomb R.S.* The Cold War in Retrospect: The Formative Years. Westport, CT.: Praeger Publishers. 1998. 266 p.
13. *Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Vol. II.* National Security Affairs. Wash.: Gov. Print. Off, 1984.
14. *Documents of American Diplomacy: From the American Revolution to the Present.* Westport, CT.: Greenwood Press, 2002.